

Владимир Александрович Базаров

**Христиане Третьего Завета и
строители Башни Вавилонской**

Владимир Александрович Базаров Христиане Третьего Завета и строители Башни Вавилонской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22107834

Аннотация

«„Есть ли Бог или нет? Вот, кажется, самый нелюбопытный вопрос в наши дни“. Так начинает г-н Мережковский свою книгу: „Не мир, но меч“.

Пока говоришь о религии, как об идеале, все соглашаются или, по крайней мере, никто не спорит – кажется, впрочем, потому, что всем наплевать, но только что пытаешься связать религию с реальной действительностью, оказываешься или в дураках или в подлецах...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Базаров Христиане Третьего Завета и строители Башни Вавилонской

I

«Есть ли Бог или нет? Вот, кажется, самый нелюбопытный вопрос в наши дни». Так начинает г-н Мережковский свою книгу: «Не мир, но меч».

Пока говоришь о религии, как об идеале, все соглашаются или, по крайней мере, никто не спорит – кажется, впрочем, потому, что всем наплевать, но только что пытаешься связать религию с реальной действительностью, оказываешься или в дураках или в подлецах.

На первый взгляд, именно со стороны Мережковского и именно «в наши дни» такое вступление менее всего уместно. Со времен масонского движения в первой половине царствования Александра I ни разу еще религия не была в такой моде среди русской «прогрессивной» интеллигенции,

как *в наши дни*. «Новое религиозное сознание», «мистический опыт», «касание мирам иным» – вот термины, мелькающие на столбцах нашей периодической прессы почти так же часто, как «противохолерные прививки», «мероприятия г-на Шварца», «конституционная Турция» и т. п. О бытии Божиим трактуется в самых популярных газетах, и притом не только в отделе *большого* серьезного фельетона, но и в отделе, так называемого «маленького фельетона», – каких же еще надо доказательств *любопытности* этого вопроса для современной публики! Говорят даже, что типографии вынуждены были пополнить запасы совсем было пришедшей в забвение «ижицы» по случаю необычайного спроса на слово «Vпостась».

Казалось бы, г-н Мережковский – еще недавно столь одинокий, столь непризнанный пророк религиозного возрождения русской интеллигенции – должен чувствовать себя как нельзя лучше. И вдруг «всем наплевать... Оказываешься или в дураках или в подлецах»... Нотки такого глубокого уныния не срывались у него даже в 900-х годах, когда он, не встречая еще нигде отклика, вынужден был утешаться то пророчесственными «прообразами» грядущего религиозного интеллигента у Достоевского, то «бессознательной религиозностью» русских революционеров. Выходит как будто бы, что среди современной интеллигенции, на разные голоса воспевающей святость своих мистических переживаний, г-н Мережковский чувствует себя еще более одиноким, чем 5

лет тому назад, в атмосфере откровенного безбожия. И это действительно так. Не то, совсем не то рисовалось г-ну Мережковскому в его мечтах о религиозном возрождении. Он верил в «подвижнический» дух русского интеллигента, по слову учителя своего – Достоевского.

Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, то тотчас же, естественно, сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю»...

...Сказано: «Раздай все и иди за мной». Не могу же я вместо «всего» дать два рубля, а вместо «иди за мной» ходить лишь к обедне.

Вместо этого величественного внутреннего и внешнего перерождения, вместо этой «молнии, рассекающей небо от востока до запада» получилось нечто обидно-мизерное. Не только не потребовалось отдавать «всего», но даже и два-то рубля благополучно остались в кармане, даже и «половинный» – то компромисс оказался «бременем неудобноносимым». Религия отнюдь не внесла никакого нового огня, никакого нового вдохновения в нашу общественную жизнь. Произошло прямо обратное: как раз те элементы русской интеллигенции, которые решили, что отныне следует раз навсегда изгнать из общественности вредный «романтизм», что наступила пора трезвой, позитивной реальной политики, как

раз они и почувствовали тотчас же необходимость отвести в своей душе уголок для религиозных переживаний, – уголок совершенно интимный, потусторонний, ничем не связанный с внешней жизнью и деятельностью. Наоборот, интеллигенты, сохранившие склонность к «романтизму» в политике, и поныне продолжают коснеть в своем прежнем безверии.

Интеллигенту первой категории – позитивному политику с мистическим изолятором в душе – принадлежит ближайшее будущее, – это господин завтрашнего дня. Безбожный «романтик» призван сменить его на арене истории послезавтра. Таким образом, в пределах исторического предвидения религии г-на Мережковского, по-видимому, не предстоит играть сколько-нибудь заметной роли. Г-н Струве был, конечно, совершенно прав, когда в своем возражении на доклад Мережковского, читанный в религиозно-философском обществе, заявил, что «представители нового религиозного сознания в сущности являются глашатаями старой религии, которая уже умерла». Г-н Мережковский со своими единомышленниками, – т. е. с г-ном Философовым и г-жой Гиппиус, если не считать довольно сомнительного христианина 3-го Завета, г-на Бердяева, – это, несомненно, последние могикане, эпигоны многочисленной некогда армии воинов «тысячелетнего царства». Но именно как последние могикане они и интересны. Возродить на рубежах XX века халиастическую мечту во всей ее догматической чистоте и во всей ее действительной мощи, притом не на почве слепо-

го отрицания современной культуры, а на почве включения в свое *credo* всех ее завоеваний, – такая попытка не только в высшей степени любопытна, но в своем роде и очень трогательна.

* * *

Краеугольным камнем веры г-на Мережковского является христианский догмат о воскресении мертвых.

Я знаю, что умру, но хочу жить и после смерти – вот начало религии... Едва ли даже люди, чуждые всякой религии, не согласятся с тем, что цель и смысл жизни есть счастье, и что счастье – любовь... Всякая жизнь побеждается смертью. Чтобы дать жизни смысл, мы должны в любви утверждать вечное бытие личности; но смертью, уничтожающей личность, уничтожается и любовь, единственный возможный для человека смысл жизни¹.

Если нет *личного* бессмертия, если нет полного настоящего воскресения, воскресения *во плоти*, то жизнь – сплошная бессмыслица и нелепость, издевательство дьявола над человеком. Именно бессмыслица и нелепость эмпирического существования, дух пошлости, убивающий смысл и интеле-

¹ Не мир, но меч. С. 4.

рес жизни и составляет, по Мережковскому, сущность Дьявола, как злого начала. Всякая *крайность*, всякая глубокая страсть сама по себе благостна и свята. Зло – это «середина», беспорядочная, тусклая, «серая» смесь противоположностей. Добро – не один из полюсов и не механическое смешение разных начал, а их органический синтез, тот «белый цвет, в котором все цвета радуги сливаются в один»².

Противопоставление «плоти» как злого начала, «духу» как началу доброму, столь характерное для исторического христианства, совершенно не удовлетворяет г-на Мережковского. Тем более, что на практике христианство привело не к победе духа над плотью, а к половинному компромиссу между ними. Половая любовь – это, по выражению Мережковского, «острие» плоти – в глазах исторического христианства есть лишь мерзостная похоть. Святой «ангельский» чин жизни – абсолютная девственность, монашество. И, тем не менее, брак есть «таинство». Отрицая внутреннюю святость брака, церковь, тем не менее, освящает его как внешнюю эмпирическую необходимость: «могий вместити, да вместит», – а для немощных «лучше жениться, чем разжигаться». Тем же духом «середины» отмечено отношение исторической церкви к общественности и всем вообще вопросам земной жизни и культуры. С одной стороны: «не убий», – а с другой – «православное воинство». С одной стороны, токмо Христос есть «Крайний Судья» и Господь (т. е.

² Гоголь и черт. С. 153.

государь) всякой христианской общины, а, с другой стороны, присяга членов Св. Синода гласит: «Исповедую же с клятвою („вы же не клянитесь вовсе“, сказано в Евангелии) крайняго судии духовныя сея коллеги быти самого всероссийского монарха, государя нашего всемилостивейшего». И т. д., и т. д.

Однако эта, в принципе антимирская, на практике же половинчатая, полумирская-полудуховная тенденция современного христианства представляет не случайное уклонение или злонамеренное историческое развитие. Плоть так же изначальна и свята, как и дух, а потому не может быть побеждена духом. Ложное направление исторического христианства нельзя устранить простой церковной реформой, возвращением к первоначальному христианству. Тут нужна не реформация, а революция, не восстановление второго Завета, а новый, *третий*, Завет, новое откровение, дающее высший и окончательный синтез отдельным моментам религиозной истины, раскрытым в Ветхом и христианском Заветах.

Ветхий Завет – откровение о Боге-Отце и Создателе мира – утверждает божественность космоса или вселенской плоти. В христианском Завете раскрывается вторая Ипостась Божества – Логос, разум, одухотворяющий косную материю – плоть мира. Грядущий третий Завет – Завет Духа Святого – будет состоять «в совершенном соединении Логоса и Космоса – во вселенской церкви как царстве не только духовном, но и плотском, не только внутреннем, но и внеш-

нем, не только небесном, но и земном»³.

Таким образом, до сих пор еще не было, да и не могло быть истинной христианской церкви.

Как Израиль, стремясь к Божественной Личности, сам остается безличным, остается религией только природного и родового единства, так христианство, стремясь к обществу, церковности, само остается безцерковным, безобщественным, остается религией только уединенной личности. Но точно так же, как исполнилось чаяние безличного Израиля о Личности, исполнится и чаяние безцерковного христианства о Церкви⁴.

Церковь есть возведенное апокалипсисом «тысячелетнее царство святых на земле», «совершенное соединение Богочеловека с Богочеловечеством в безгранично-свободной и безгранично-любовной религиозной Общине».

Разрешить противоречие между плотью и духом, между мирской культурой и религиозной верой, сможет только это, третье откровение.

Религия Троицы, религия всеобъемлющая, не только созерцательная, но и *действенная*, принимающая в себя всю настоящую и будущую культуру, все откровения и знания,

³ Не мир, но меч. С. 37.

⁴ Там же.

соединяющие в себе «разум – волю – чувство», как соединены в человеке «дух – душа – плоть». К этой силе, одной побеждающей, мы и должны стремиться⁵.

Самая интересная черта в учении Мережковского – это, бесспорно, включение в апокалипсический идеал *всей* культуры, т. е. не только культурного «быта», не только создаваемого культурой телесного и духовного «комфорта», но и самого *духа* культуры, всех ее «откровений и знаний», прошедших, настоящих и будущих. Г-н Мережковский доказывает, что апокалипсический идеал, несмотря на преобладающий в нем элемент чудесного, сверхъестественного, нисколько не противоречит истинно понятой науке. Мало того, – только при свете апокалипсического идеала работа человеческой культуры приобретает свой смысл и свою ценность. Культура без религии, или культура, заменившая религию, религия человеческого, «только человеческого» разума приводит не к идеалу, достойному человека, а к окончательному и безысходному царству серединной пошлости: к человеческому «муравейнику», устроенному столь рационально и целесообразно, что людям уже нечего больше желать и искать, а остается только спокойно наслаждаться раз навсегда упроченным моральным и умственным благосостоянием. Наиболее ярким выражением этой атеистической культурной тенденции г-н Мережковский, вслед за Достоевским, считает

⁵ Грядущий Хам. С. 155.

современный социализм. «Социализм,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.